

Хлеб да соль,

чай да сахар

(этюды о фольклоре)

„Дивья красота идет...“

Мы гуляем на современной свадьбе в деревне Горбово. Красивые молодожены, взволнованные от счастья и многолюдства. Все внимание им: и добрые слова свидетелей с пожеланиями «дожить до свадьбы золотой», и родительские наказы со слезами на глазах, и бойкие поздравления повеселевших гостей. Столы ломаются от напитков и яств, в изобилии и речей, постепенно переходящих на отвлеченные темы. Свадьба идет своим чередом, как и обычно.

Но вдруг на лестнице, ведущей в избу, раздается топот и слышится громкое пение. Широко распахивается дверь, и к столу, где сидят жених с невестой, разнаряженные деревенские женщины несут разукрашенную ёлочку, припевая:

Открывайте ворота; идет ёлка зелена,
Разодвинься, народ; дивья красота идет!
Не сама она идет, ее девица несет
По полу тесовому ко столу дубовому.

Здравствуй, дружка-господин,
Ты приехал не один,
А со поездом честным
И со князем молодым.
Ты позволь-ка, дружка, знать,
Как молодого князя звать
И княгиню величать?

Ёлочку ставят на стол напротив молодоженов, ведь она символизирует девичью красоту, ее неувядающую свежесть. Женщины-певуны продолжают свои припевы:

Зеленая ёлочка, какая ты красивая,
Вырастала ёлочка у камешка у синего.
Ходили мы, девушки, в лес погулять,
Ходили мы, Борисович, ель выбирать,
Ель выбирали да Таню вспоминали,
Ель-то рубили, да Таню хвалили:
«Таня милая, радость дорогая!».
Ставили ель мы на круг золотой,
Выкупи, выкупи, князь молодой,
Сам для себя, для княгини своей.

Жених «выкупает» ёлочку, дает женщинам деньги, а они, отдышавшись, поют куплеты, притопывая ногой, в которых хвалят молодых, их родителей, гостей.

Не было ветров, да повеяли вдруг,
Не было гостей, да понаехали вдруг,
Новые сени призаполнились,
Новые полы призатоптались,
Сокола из сада повыгонили,
Таню — душу порасквилили.

Шали модные-премодные
С лазоревым цветам.
Ване Таня поглянулась,
Стал он в лавочку ходить,
Стал он в лавочку ходить,
Стал он денежки дарить,
Когда рубль, когда два,
Когда пять серебром.

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Молодец девушку хочет украсть.
Где эта улица, где этот дом,
Где эта девица, с кой я знаком?
Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта девица, с кой я знаком!

Что на столике не чашечки бренчат,
Не стаканы выговаривают,
Это Таня ходит по полу,
Она ходит да румянится,
Что у Вани в гости просится:
«Уж ты, Ванюшка-батюшка,
Отпусти-ка в гости к матушке.» —
«Дорогая честна гостейка,
Посиди-ка у меня во терему,
Погляди-ка на меня, на молодца,
Да на Ивана на Борисовича».

Что на столике кружан да и кружан,
Зелена вина стакан да и стакан,
Что уж Ваня наливал дак наливал,
Что уж Тане подавал да подавал,

Что уж Таня не брала да не брала,
На кроватушку спать позвала,

На кроватушку на новенькую,
На перину на пуховенькую.
Что уж Ваня не пошел, не пошел,
Гулять к девушкам ушел да ушел.
Таня вышла на крылечко погулять
И спросила горбовских она ребят:
«Не видали ли такого молодца,
Да Ивана Борисовича?».

Дальше в песнях еще больше похвалы
молодым, их родным, гостям, певуны
называют, откуда приехала новая родня,
тем самым постепенно готовят слушате-
лей-гостей к оплате своих трудов.

Пойдемте-ка, девушки, с-по ряду,
с-по ряду,
Дойдемте-ка, девушки, до ряду, до ряду,
До гостя честного, до князя молодого,
Ивана Борисовича.
Голова его учесана, голова его углажена:
Кудри русы, на помаде волоса.
Как на эту-то головушку
Полтора ста рублей шапочку,
Как на эту-то на шапочку
Завязать бы семь с полтиною.
Не дари-ка не рублем да не полтиной,
Подари-ка девках лива по братыне,
Да по ласковому да по словечку,
Да по серебряному да по колечку,
Да по серебряному да по витому,
Да девкам пряников да по подолу.

Порассорился баран с козлом,
Помутилася вода с песком,
Что у нас-то вода не вода,
В Ярославле вода холодна,

Что у Вани жена хороша,
Без белил она белешенька,
Без мазил-то румянешенька,
Ее бить-то дак ручки болят,
Целовать-то дак люди глядят,
Что чучковляна да ивановцы,
Костромляне да тотемцы,
Со приездом-то сокольцы,
На закрепу-то горбовцы.

У нас тысяцкий богат да и богат,
Четвериками деньги меряет,
Из копеечек мосты мостит,
По пяти рублей в окошко дарит.
Эх, Сашки-милашки мои,
Разменяйте бумажки мои,
Бумажки новенькие,
двадцатипятирублевенькие.

У нас девушки молоденькие,
Не беленые, не мазаные,
Женихам еще не казаные.
Мы набелимся, намажемся,
Женихам своим покажемся.
Горбовляночки не бедные,
Не берем мы деньги медные,
Горбовляночки отважные,
Любим денежки бумажные.

Тут тысяцкий подает женщинам бу-
мажные деньги, сколько не жалко, как
они говорят.

Уж мы князева-то пива да не пивали,
Уж мы свахиных-то пирогов да не едали.
Да ты уж, свaxonька дорогая,
У тебя рученька золотая,
Пирог-то ты печешь да на опаре,

Да вот такие шириной да шириною,
Да вот такие высотой да высотой,
Да вот такие мяготой да мяготою.

Подают женщинам пиво и пироги. А
потом выходит самая боевая песенница,
ее именуют запросой, и продолжает при-
сказ:

Здравствуйте, гостеньки и гостейки,
Тысяцкий Александр Иванович,
Переезжая свашенька Раиса Григорьевна,
Князь молодой Иван Борисович,
Княгиня молодая Татьяна Ивановна!
Мы вас пожалели, для вас ёлочку
нарядили,
Наша ёлочка росла не в саду,
не в огороде,
На Вотче на реке, у большой дороги.
Ехали купцы да бояре, они у нас ее
покупали,
Да мы не продавали, для вашей милости
сберегали,
Они нам дорого давали:
За каждую иголочку давали пятерочку,
За сучок — четвертачок,
За вершинку — серебра корзинку,
За корешок — золота мешок.
Так вы ее посмотрите да и обратно
возвратите.
Мы ёлочку наряжали, дочего головы
доломали,
Чтобы нарядить хорошо,
Даже ножки подкосило,
В горлышке пересушило,
Как в горлышке-то помочу,
Так еще немножко похлопочу.

(Угощают женщин вином).

Есть у нас на ёлочке бусы,
Так вы, молодой князь, отрастите
бороду и усы.

Есть у нас на ёлочке медали,
Чтоб почаще вина подавали.

(Подают вино).

За ёлочкой ходил мальчик Сашка,
Ему надо пива чашка.

(Подают пиво).

С ним ходила девочка Анечка,
Ей надо дать пряничка.

(Подают пряники).

Есть у нас на ёлочке курочка,
Так ей нужна вина рюмочка.

(Подают вино).

А рядом с ней петушок,
Ему надо пирожок.

(Подают пироги).

Есть тут еще и барашек,
Ему надо подать вина стакашек.

(Подают вино).

Его привела девочка Светка,
Так ей надо дать конфетку.

(Подают конфеты).

Вы уж меня извините,
А за труды по трешнику положите.

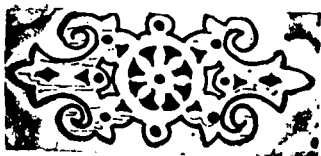
«Запроса» обходит гостей с подносом,
на который кладут деньги, кто сколько
может. В это время одна из женщин вы-

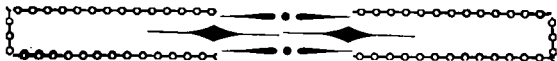
Свадьба сразу принимает другой оборот. Гости оживлены задором деревенских таланниц, теперь праздник пойдет на едином дыхании: застучит дробь бойкого перепляса, загремит задорная частушка, разбередит сердце задушевная песня.

Не удержался, спросил у помолодевших хранительниц старинного свадебного обряда, когда они его узнали. Они запросто ответили: «А всю жизнь поем, как себя помним!».

Может, в этом и секрет его живучести, что он постоянно на устах, в душе народной. украшая своей необыкновенной поэтичностью и сегодняшнюю свадьбу?

Я же более красивого действия не видел.

В свете каждого дня

Впервые я услышал эту песню давно, лет двадцать назад. Хотя сам и не пою, к великому сожалению, но ее мелодия живет в моей душе постоянно, независимо от настроения.

Чем же привлекла она меня? В чем ее волшебная сила? Прежде всего приведу слова любимой песни целиком.

За туманом ничего не видно.
За туманом ничего не видно.
Только видно ёлочку зелену.
Только видно ёлочку зелену.
Под той ёлкой кадочка стояла.
Под той ёлкой кадочка стояла.
В той кадوشке девка ключевую воду
брала.
В той кадوشке девка ключевую воду
брала.

Опустила зелено ведерко:
Опустила зелено ведерко:
— Кто мое ведерочко достанет,
Кто мое ведерочко достанет,
Тот со мною под венец и встанет,
Тот со мною под венец и встанет,
Отозвался молодой парнишка,

Отозвался молодой парнишка:
— Я твое ведерочко достану,
Я твое ведерочко достану,
Я с тобою под венец и встану,
Я с тобою под венец и встану.
За туманом ничего не видно.
За туманом ничего не видно...

Для меня эта песня — реальная картина, яркий фильм во всех красках, который подсознательно прокручивается в памяти изо дня в день. Я вижу в дымке тумана на окраине небольшой деревни молодую высокую ёлочку с раскидистыми ветвями, чувствую ее смолистый запах на рассвете. Девушка в ярком нарядном сарафане с длинной русой косой, идущей из-под цветного платка, слегка опираясь на коромысло, зачерпывает ведром родниковую воду. И парень с голубыми глазами, стараясь затаить нахлынувшую неудержимую радость будущего счастья, словно всегда дожидавшийся позволения достать заветное ведерко, наполненное тем счастьем. И этот зеленый, изумрудный цвет...

Песня настолько просто оформлена словесно, что запоминается с первого напева. А за всей этой простотой какая глубинная тайна народной поэзии, что подкупает каждым словом.

В моем сердце таких песен немного,
которым суждено жить вместе со мною
в свете каждого дня.

„Приезжай, мамаша, в гости...“

Люблю деревенскую частушку. Слушаю — и сердце наполняется то щемящей болью, то сладостным умилением, то неизбывной тоской.

За многие годы собирательства народного творчества я повидал десятки самодеятельных таланниц, восторгаясь их умением вживаться в мимолетный песенный образ, раскрыть и излить свою душу в четырех коротких строчках. А ведь порой в таком куплете — целая жизнь, вся судьба.

На празднике русской гармонии в Чучкове, что покорила своим размахом и красотой сотни три восхищенных зрителей, я с интересом наблюдал за частушечницами-перепевунами, сменяющими одна другую. Но ждал чего-то необыкновенного, чувствовал, что увижу и услышу чудо.

И вот на сцену поднялась несмело пожилая женщина в старинном сарафане,

со строгим лицом сельской труженицы, без всякого озорства во взгляде. Глаза ее мне показались даже грустными, но какими-то неподкупно честными, в них жила истрадававшаяся боль и ясная прозорливость. Когда она запела по-своему, подвинички, все насторожились и затаенно вслушивались в глубокий смысл мудрых частушек нашего времени, пропущенных через истосковавшуюся крестьянскую душу.

Все реформы да реформы
По ветру качаются,
Только цены повышают —
Жизнь не улучшается.

В магазине я стояла,
Только пучила глаза,
Цены нам не по карману —
Скачут, точно стрекоза.

Носовой платок купила
Я за тысячу рублей.
Посмотрела цену шубы —
И упала у дверей.

Пододеяльнички красивые
На полочках лежат,
Если цену их посмотришь —
Опрокинешься назад.

Много пенсию дают,
Люди удивляются.
Купишь сахар, чай и хлеб —
На водку не останется.

Было время — работали
От зари и до зари,
А теперь по всей России
Спекулянтов развели.

На дому торгуют водкой —
Хороша тепере жизнь.
Пей, подружка, пей, дружочек,
Да смотри, не отравись!

Не люблю я спекулянтов,
Ненавижу и воров,
Кто работает по-честному,
Всегда будет здоров.

Работяге мало платят
За его тяжелый труд,
Говорят, что депутаты
Миллионами гребут.

Исполнительница поклонилась, извинилась за критику, представилась:

— Валентина Павловна Иванова из Чекшино, мне семьдесят лет.

А потом попросила еще несколько минут, чтобы спеть частушки о детях и родителях, правда, сделав оговорку, что сочинила припевки не о своих детях, у нее три сына, в которых мать всегда видит поддержку и понимание.

Я видел, как слушали эти куплеты матери и бабушки — в знак согласия качали головой.

Я, старушка боевая,
На подножке ехала.
Не расстраивайся, зять,
Не совсем приехала.

Приезжай, мамаша, в гости,
Погостишь и поживешь.
Я так думаю, что книжку
На меня переведешь.

Ты нам завтрак приготовишь,
Магазины обойдешь.
К ночи сторожем устроим,
Там, конечно, не уснешь.

Дочего зятек хороший,
Его можно похвалить:
Приезжает к теще в гости,
Чтобы водочки попить.

Сенокос если наступит,
Не увидишь зятя тут.
Видно, им на это время
Выходного не дают.

Помогать если приедут,
Теща вовсе тут гляди:
Поллитровкой не отделаешься —
Сумку наклади.

— Ты когда меня, сыночек,
Жить-то в город увезешь?
— Увезу, если, мамаша,
На балконе проживешь.

Увези, сыночек милый,
А то невесело одной.
На балконе летом жарко,
Будет холодно зимой.

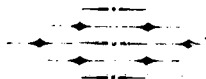
Заходи, моя мамаша,
Заходи и не робей,
Занимай в квартире место —
Первый угол от дверей.

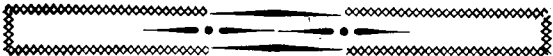
Поживи, моя мамуля,
Посидишь и у дверей,
Только ты, моя мамуля,
Рот на путвицы зашей.

Частушки с горькой правдой взрыва
смеха не вызывают. От них в душе —
искреннее сострадание, сопереживание.

Валентина Павловна — талантливая
сочинительница, умеет частушку запле-
сти в венок жизни, и понесет его река
времени. И себя не забыла. Когда дела-
ла ремонт дома, сама собой родилась
частушка-ирония:

Надо двор отремонтировать
И избу подвести,
Хорошо бы мне богатенького
Дедушку найти.

„На колхозном на амбаре...“

Песенное творчество нашего народа запечатлело многие стороны жизни. Казалось бы, ничто не ушло из-под пристального внимания.

Возьмем, к примеру, жизнь колхозную и отношение к общественному труду.

Вот частушка, рисующая реальную обстановку дел в колхозе, острая сатира на организацию труда:

Говорят, в колхозе плохо,
А в колхозе хорошо:
До обеда ищем лошадь,
А с обеда — колесо.

Интересны частушки, в которых народ дает правдивую оценку начальству, их положению. умению приспособиться и извлекать личную выгоду.

Бригадир идет дорогой,
А бригада стороной.
Навернули бригадиру
Деревянной бороной.

Принеси-ка из подвала
Молока холодного,
Накорми-ка бригадира,
Дьявола голодного.

А эта песня пятидесятых годов. изображающая один из моментов сельского бытия, где даже есть фамилия конкретного человека — сторожа, охраняющего колхозное добро.

На колхозном на амбаре
Вскиририкал петушок.
Председатель с бригадиром
Потащили ржи мешок.
Бригадир нести не может,
Председателю сказал,
Председатель отвечает:
— Пойди лошадь запрягай!
Запрягли и покатили
По деревнюшке бегом.
В это время по деревне
Шел Романов с батогом.
— Ты не сказывай, Романов,
И тебе ведь мы дадим,
Если скажешь, черт горбатый,
То в тюрьме тебя сгноим.

Такая песня в комментариях не нуждается.

Хотелось бы привести примеры частушек о тяжком труде на лесозаготовках, через которые прошли наши отцы и матери, потеряв там свое здоровье.

Мы на Томашке работали —
Выскиры да леса.
Надоела рыба дьявольская,
Каша из овса.

Мы на Томашке работали,
Питались водой.
Ничего не заработали,
Поехали домой.

Лесорубы в лес пришли,
Не хотят раздеться.
Дали тыщу кубометров —
Не фиг торопиться.

Надоели нам бараки,
Коечки наскучили,
Эти чертовы десятники
В лесу замучили.

Маменька родная,
Наклады в котомку,
Отправляется сынок
На лесозаготовку.

Мизерная оплата тяжелого труда также высмеивается в частушках, типа:

На Печаткине работал,
Тяжела работушка.
Денег нет, а есть охота,
Дай авансом, тетушка.

На Печаткине работал,
Пятачок домой послал,
Все ребята удивились:
Где же парень денег взял?

Вчитываешься в такого рода народные откровения, что вылились в песню, частушку, и явственно представляешь картину жизни во всех ее неподдельных красках.

„Бывали дни весёлые...“

Еще совсем недавно, где-то лет пять назад, у нас было как-то не принято открыто говорить о так называемом блатном фольклоре, в котором пелось о «негативных» пережитках прошлого. Просто считалось неприличным. А ведь такого вида песни были весьма распространены, жили своей особой жизнью, звучали в своих аудиториях. Зачастую и из «блатного-то» в них одна тематика, а в содержании заключена сущая правда жизни, запрещенная реальность.

Как говорится, из песни слова не выкинешь, и если уж песня прижилась в народе, нашла свое место в жизни, пройдя проверку на правду, на искренность, она будет долго помниться.

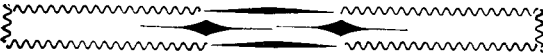
В деревнях на Руси издавна варили (гнали) самогон. И вот в одной из песен нашего края описано это явление во всех подробностях, даже с последствиями данного производства. Я позволю себе

привести эту песню в полном объеме, чтобы раскрыть и эту сторону народной жизни, раз уж она запечатлена в устном поэтическом творчестве.

Бывали дни веселые,
Гулял я, молодец,
Гнал самогонку крепкую,
Попался наконец.
А дело было к вечеру,
Остался я один,
Я взял раствор и трубочку,
Пошел к себе в овин.
И дров все понемножечку
Подкидываю я,
И самогонка капает,
И радуется меня.
Наполнил все бутылочки
И банку в три ведра.
И вот сижу и думаю
Про заработок свой:
За каждую бутылочку
Я буду брать рублем.
Была тут мысль счастливая,
Поверьте, одурел,
И всю-ту ночь темную
В овине просидел.
И вот сижу в овине я,
Мечтаю про себя.
Как дверь вдруг отворилась
И сзади — цоп меня.
Увидел председателя,
Пришел ко мне один...
Закрыли мою фабрику
И припаяли мне,
Сколько бутылочек

Нагонено в ведре.
Теперь в Сибирь далекую
Угонят молодца
За самогонку крепкую,
За трубку в три кольца.
А там, в Сибири, буду я
Кошаться под землей,
Дождуся я амнистии,
Приеду я домой.
Приду домой с отсидочкой,
Вкачу я пудов пять,
Забуду принудилровку
И гнать буду опять.

*„Самоходкой милый
звал...“*

Давно увлекаясь лирическим фольклором, я как-то натолкнулся на частушку, которая очень заинтересовала меня:

Самоходочкой уйду:
Нынче мода пошла,
Если тятя, мама спросят —
По характеру нашла.

И с тех пор эта тема постоянно влекла меня. Само слово «самоходка» понятно: девушка выходит замуж без согласия родителей. по уговору с женихом. Бывало, в прошлые времена парень уводил любимую прямо с посиделок, даже прялку оставляли, чтобы сразу не заметили. Чаще же девушка уходила жить к будущему мужу из родного дома скрытно, прихватив лишь самое необходимое из одежды. Как в песне:

Батьке сделаю беду —
Самоходочкой уйду.
По за тыну, по за тыну,
По за дядину овину,
По за нашему двору
Самоходочкой уйду.

Конечно же, самовольный уход девушки без принятого сватовства и договора родителей обеих сторон возможен был только при взаимной любви молодых людей. И девушка в большинстве случаев смело делала свой отчаянный шаг, в частушках это отмечено:

Самоходкой милый звал,
Я и согласилась.
Деревням идти с узлам
Народу не стыдилась.

Но далеко не всегда девушка могла послушаться родителей, уйти из дома, не получив их благословения.

Самоходкой милый звал,
Я не согласилась.
Деревням идти с узлам
Народу постыдилась.

Так почему же девушка вынуждена решаться на такой поступок, перешагивая через семейные законы, традиции? Родители скорее всего знали о симпатиях своей дочери, но по разным причинам не разрешали ей выходить замуж за желанного парня. Может быть, он из бедной или многодетной семьи, или им казался недостаточно трудолюбив, мастеровит, ловок, бывало, что и деревня не нравилась.

Вообще, самоходки не почитались в народе. Иногда и в семье жениха невесту — самоходку родители не принимали, редко ее встречали с караваем, а чаще, как поется в песне, с коромыслом.

Разрешите, посторонние,
Тринадцать песен спеть.
Задушевный мой товарищ,
Дай на каждую ответ.

Стало холодно на улочке,
Пристыло у крыльца.
Поедем, дроля, самоходочкой,
Не спрашивай отца.

Дорогая самоходочка,
Пойдешь ли за меня?
Я на маленьком на Карюшке
Приеду по тебя.

Я, молоденький парнишка,
Пиджачишко наволок,
Самоходочку на чуночках
К крылечку подволок.

Дорогая самоходка,
Не заглядывай в лицо.
Ты садилась, не стыдилась,
Поднимайся на крыльцо.

Стало холодно на улочке,
Пристылю на беду.
Открывай, мати, калитку,
Самоходочку веду.

Мати двери отворила,
Она сразу сметила:
Самоходку на сарае
С коромыслом встретила.

Отец с печи не слезает,
Говорит наоборот:
— Невовремя ты, сыночек,
Постучался у ворот.

Раскатилася полененка,
Дрова еловые.
Тебе не надо ли, мамаша,
Обряжухи новые?

Раскатилася полененка,
Еловые дрова.
Я спрошу тебя, мамаша,
Самоходка какова?

Мати квашню потворила,
Засучила рукава.
Я спрошу у вас, сестрицы,
Самоходка какова?

На полатях в решете
Кошка растянута.
Самоходочка родителям
Не потлянулася.

Дорогая самоходочка
Не должно нажила:
Пообедала, поужинала,
Чаю не пила.

Эту песню я записал от восьмидесяти-
летней чучковской гармонистки Надежды

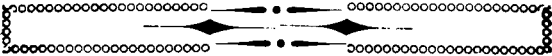
Христофоровны Бубякиной, которая очень задушевно ее исполняет.

Вторая песня про самоходку из Коданова, что на Двинице-реке, ее пропел мне Акиндин Васильевич Артемьев, уникальный знаток и любитель фольклора. В ней тоже не принимают самоходку, но она полна неподдельного юмора, озорства.

Я сегодня рано встал,
Встал. поторопился.
Расскажу тебе, товарищ,
Как я поженился.
Я, молоденький парнишка,
Пиджачишко наволок,
Самоходочку на чуночках
К крылечку подволок.
— Ты садилась, не стыдилась,
Поднимайся на крыльцо.
На крыльцо мы поднялись.
У ворот колотимся.
Сероглазая девчонка,
Больше не воротимся.
— Открывай, мати, ворота,
Левую воротницу,
Я веду, тебе, мамаша,
Новую работницу.
Отец двери открывает,
Говорит наоборот:
— Сынок, я так не позволю,
Отойдите от ворот.
Мати пироги месила,
Засучила рукава.
— Ты скажи-ка мне, мамаша,
Самоходка какова?

На окошке лежит кошка,
Кошка растянулася.
Самоходочка родителям
Не поглянулася.
На столе стоит чернильница,
Полна-переполна.
— Ты начто же, мое дитятко,
Привез себе дерьма?
— Запрягай-ка, тятка, лошадь,
Я поеду по овес,
Вы бы раньше мне сказали,
Я бы на полосу свез.
В это время у соседа
Осуягнилась овца.
Самоходка нечередиком
Свалилась со крыльца,
Со высокой лесенки,
Пошла, запела песенки:
— Выходите, девки, замуж,
Я так больше не хочу,
Свою черную, лохматую
Доской заколочу.
Самоходочку на чуночках
Четыре версты вез,
Неудачно поженилося —
Поспать не удалось.

Если же родители парня принимали девушку, пришедшую в их дом самоходкой, то даже и тогда долго не могут сладить с ее родителями. Не станут ходить в гости до тех пор, пока не народятся дети — их внуки, которые и наладят нормальные отношения, все поставят на свое место.

*„Некоторые из них
изящны...“*

Будучи страстным собирателем устного народного творчества своего края, я постоянно в поиске фольклорных текстов, что были записаны когда-то в Чучкове.

Однажды, роясь в краеведческой литературе, я совершенно случайно узнал, что у нас записаны интересные лирические песни, мне еще не известные. И ни кем-то из фольклористов или этнографов, а революционером-марксистом Николаем Евграфовичем Федосеевым, тем самым, который, по словам В. И. Ленина, «пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших».

Н. Е. Федосеев (1871—1898) был отправлен по этапу в отдаленную сольвычегодскую ссылку на три года. Возвращаясь обратно, он проезжал через Чучково и от наших земляков записал восемь чудесных песен. К великому сожа-

лению, адресат не указан, но песни вошли в его книгу «Статьи и письма» (Москва, 1958 год, страницы 315—352).

В письме к М. Г. Гопфенгауз из Московской пересыльной тюрьмы в 1897 году Федосеев отмечает прелесть песен, услышанных на Севере: «Не правда ли, некоторые лирические песни очень изящны...»

Надо отдать должное памяти Н. Е. Федосеева, который сохранил для нас эти песни. Мне хочется просто привести их тексты, без всякого комментария. Я надеюсь, что они кого-то заинтересуют, а может, кто-нибудь их и знает или вспомнит, и они обретут вторую жизнь. Я бы этого очень хотел.

Как у кустика да у ракитова...

Как у кустика да у ракитова,
Как у колодчика да у ключевого,
Да как на речке да девки белы мылися,
Девки белы мылися да румячилися.
Тут-то шел ли, прошел да донской казак,
За собой он ведет вороного коня,
За конем-то идет молодая жена.
Не коня казак идет губить,
А молодую жену он идет топить.
По утру-то ранехонько детоньки
пробуждаются

С глазок веселенок.
Веселый парень девушкам миленок,
На работушку ленивый,
А на гулянье торопливый.

*Солнце закатилось
за темны леса...*

Солнце закатилось а темны леса;
В лесочке пташки приумолкли.
По-под деревцем ветвистым
Нова хижина стоит.
В этой новой хижине
Тут печальна вдовушка живет.
Она ждет-то, дожидает любезного своего.
Не дождавши я милого,
вышла в поле погулять.
Не пыль во поле пылится,
не сильный гром гремит.
Молодые два торговца со товарищами
из Ростова с ярмарки идут.
Вшедши мы в селение,
ты пусти нас ночку ночевать.
— Любезная наша хозяйюшка,
ты пусти нас ночку ночевать,
— Ох, рада—рада бы пустить,
да не варила ничего.
Вшедши в эту хатку,
усадились по местам,
Старший сел на лавочку,
младший супротив его.
Хозяйюшка стоит у печки,
уливается горькими слезами.

Он велел искать потерю по болотам,
по лесам,
По ракитовым кустам
да по чистым по полям,
По задворьям, по дворам.
Что нашли эту потерю
У Софрона за двором,
В новой бане под полком,
Вся головушка разбита,
Русы косоньки острижены,
И неведомо кем.

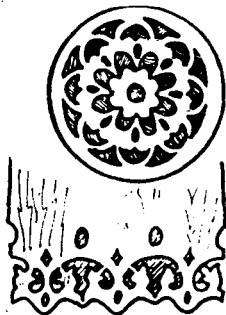
А не в Москве ли было...

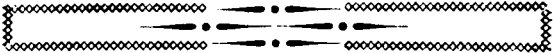
А не в Москве ли было, под Москвой,
Близь заставушки Тверской,
Тут стоят четыре башни,
Посредине крепкий дом,
Коридорчик тут крест-накрест,
Все народ-от живет вор.
Сидит ворон на березе,
Кричит: «Воин на войне!»
Запропал бедный мальчишка
В чужедальной стороне.
За стеной, братцы, не видно,
Каково мы здесь живем,
В чужедальной стороне,
А мы и здесь не пропадем.

За годочек сердце слышало...

За годочек сердце слышало,
За неделюшку поведало.

Собирался миленький в дороженьку,
В недалекую, милый, петербургскую.
Говорил мне милый, наказывал,
Я наказу его мало слушала,
Наказанья его не исполнила.
Со иным дружкой я поводилася,
Да, поводясь с ним, разбранилася;
Назвала его бездельником:
Разбессовестный дружок, бездельничек!
Ты зачем, почто пьян напиваешься
И по грязи, мой миленький, валяешься,
И мной, мой милый, похваляешься?

Хлеб да соль, чай да сахар

Как-то плотничая вместе с пожилым острословом и балагуром, я поразился одной замечательной пословице, прозвучавшей из его уст:

— Не клин да бы не мох—так и плотник сдох.

Насколько верно в юмористической форме отражена суть плотницкого труда. И что главное: такого рода мудрые изречения сочиняют про свой труд сами работники, зная цену своего мастерства.

Сейчас я часто вспоминаю из розового детства свою бабушку Александру Федоровну, у которой что ни фраза — то пословица, меткий афоризм.

Смотрю в окно, на улице—дождь, от него унылое настроение, гулять идти не хочется. Говорю сердито бабушке:

— Опять дождь!

— Дождь — так и жать-то не рожь! — мудро отвечает она.

В осеннюю пору, когда на дворе снег с дождем (по-местному—шлеча), бабушка больше всего жалела пастухов, находившихся целый день в непогоду под открытым небом, крестясь, она тихо молвила:

--- Дождь да шлеча—пастуху на плеча.

Пастуха раньше жалели еще и потому, что это был самый бедный житель, панимавшийся пасти скотину, питаясь по очереди в каждом доме. Его часто не только кормили, но давали кое-что и из одежды, поэтому от бабушки я слышал и эту фразу:

— Пастуху да вору все впору.

Моя бабушка была уже в преклонном возрасте, разменяла девятый десяток, и к ней каждый день приходили «товарки» (так она величала своих подруг) коротать время, попить чайку из медного самовара, вспомнить старые времена, Входя в избу, старушки, крестясь, произносили:

— Здорово ночевали! Хлеб да соль, чай да сахар!

Ответ был всегда один:

— Проходи да хвастай, коли есть зваста!

— Да всю прохвастала!

— Тогда с нами чай пить.

— Выпью чашечку, вот и сахарку с собой прихватила.

И начинались долгие беседы—воспоминания про молодые годы, охая, они говорили про себя:

— Да, был конь, да езжен!

Короткие зимние вечера на закате жизни казались нескончаемо длинными, старушки отсчитывали судьбой положенные сроки:

— День да ночь—сутки прочь!

Я любил слушать их разговоры, нет, это были не пересуды — сплетни, а умудренные жизненным опытом беседы — итоги, отчеты перед самой собой, перед Господом Богом. Нередко рассуждения добрых старух касались детей:

— Маленькие дети заснуть не дают, а вырастут — сама не спишь.

— Маленькие детки—маленькие и бедки, а большие детки — большие и бедки.

Бабушка моя слыла старушкой доброй, приветливой, никогда не ругалась, не богохульствовала (Боже упаси!), и ее любили в округе, ее дом никогда не был одиноким. Приходила и Алентюшка (Алевтина), по пути завернув к Павле, но ту до-

ма никогда не застанешь, бабка Алентия в этом случае говорила:

— Поцелуй пробой да иди домой.

Или:

— Ищи ветра в поле.

У моей бабушки были больные ноги, правую, неслушавшуюся, она волочила за собой, но на месте усидеть не могла, особенно в грибную и ягодную пору. Меня брала с собой — для повады. И мы бродили с ней по лесам, пашням, болотам. У бабушки в руках корзина, у меня — котелок. Она наберет полную корзинку ягод, а у меня — на донышке, но, подходя ближе к дому, бабушка насыплет мне ягод целый котелок, чтобы меня похвалили.

Идем сенокосом, видим на пожне копны, расставленные далеко друг от друга, бабушка шутит:

— Копна от копны как от Ростова до Москвы.

Проходим мимо ржаного поля, бабушка любит зарождающимся колосом и радостно сообщает о близкой жатве, о скором свежем хлебе:

— Рожь колосится — можно на огороде досидеться.

Вечный покой тебе, бабушка!

Интересны пословицы о родной стороне, в них чувствуется неподкупная любовь к своему, сердцу милому краю.

Вдумайтесь в такое высказывание:

— На Стрелице пироги по гелице, а на Моле — пироги по корове.

Или еще два:

— Стрелицкая родня хуже зубной боли.

— Хоть за нищего, да на Слободищево.

Да, нет ничего более точного, меткого, краткого, чем пословица, за это ее и любим.

СОДЕРЖАНИЕ

«Дивья красота идет...»	3
В свете каждого дня.....	13
«Приезжай, мамаша, в гости...».....	16
«На колхозном на амбаре...».....	21
«Бывали дни веселые...»	25
«Самоходкой милый звал...»	28
«Некоторые из них изящны...».....	34
Хлеб, да соль, чай да сахар.....	42